

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. На чужих берегах, или Свобода выбора (<i>Восстание донских казаков в 1792–1794 годах</i>)	24
Откуда казаки пришли. Поиски древнего казачества	24
Государственный порядок и казачий хаос	29
Как была устроена донская вольница?	32
Неправильная тема	41
Разные истории свободного времени	44
Как донцы оказались на Кубани	46
Беглецы	50
Восстание пятидесяти станиц	61
На Сунжу по жребью	83
Глава 2. Бунт одиночки, или Свобода личности (<i>Дело Евграфа Грузинова</i>)	90
Слово	90
На север	91
Гатчина и гатчинцы	93
Новое царствование	97
Две коронации и одни похороны	99
Неудавшийся помещик и первая опала	101
Брат Петр	105
Выбор	109
Затворничество	111
Дон в неволе	113
Евграф Грузинов против «лытства»	122
«Две зловередные бумаги»	125
Был ли бунтарь безумцем?	128
Конец истории	132

Глава 3. Война за волю, или Свобода от помещика (<i>Крестьянская война на Дону в 1820 году</i>)	139
Откуда на Дону крестьяне	144
Казачье-крестьянские конфликты: начало	147
Крестьянская жизнь	150
Жалобы на помещиков, надежды на царя	158
Военные поселения и донские казаки	164
Почему Чернышев?	169
Воля?	173
1820 год	180
Иллюзия смирения	198
Глава 4. «Раскольники», или Свобода совести (<i>Старобрядчество и сектантство на Дону в XIX век</i>)	202
Собор борьбы	205
Митрофан	209
Библейское общество	217
Донские духоносцы	223
Оставленные	234
Глава 5. Братство станка, или Свобода от капитала (<i>Ростовская стачка 1902 года</i>)	246
Освобождение крестьян и промышленный переворот	248
Ростов железнодорожный	258
Как жили и трудились ростовские рабочие	264
Мы — люди	267
Трагедия казаков	277
Восстание рабочих в казачьей столице	280
Заключение	288
Благодарности	290
Исторические источники и краткая библиография	293

ВВЕДЕНИЕ

Любая река — это еще и граница. Течение воды отделяет одно селение от другого или же делит надвое город, деревню, хутор. Дон разделял империи, цивилизации и континенты. Древние греки, которые колонизировали Северное Причерноморье в VII–V веках до новой эры, называли Дон Танаисом. Они принимали реку за границу между Европой и Азией. В «Географии» Страбона (63 до н.э. — 23 н.э.) сказано так: «...река Танаис, по всеобщему признанию, отделяет Азию от Европы». Средневековый исландский скальд Снорри Стурлусон (1178–1241) в «Саге об Инглингах» рассказывал, что река Танаис, известная также как Ванаквисл или Танаквисл, «разделяет части мира: восточную называют Азией, а западную — Европой».

Именно о Танаисе пишут многие иностранные дипломаты и путешественники, которых судьба забросила в Россию, поясняя, что русские называют эту реку Доном. В «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), который познакомился с Русским государством в первой половине XVI века, Дон описан как национальное достояние. «Они (русские. — А.У.) не могут нахвалиться на эту реку за исключительное обилие в ней самых лучших рыб, а также приятность ее берегов, которые оба, будто они с особым усердием возделаны наподобие сада, усеяны различными травами и весьма

сладкими кореньями, а сверх того множеством разнообразных плодовых деревьев. И звери, подстрелить которых из лука не представляет особого труда, водятся там в таком изобилии, что путешествующие по тем местам не нуждаются для поддержания жизни ни в чем, кроме огня и соли».

Места были завидными, но совершенно незаселенными. Об этом еще в конце XIV века написал Игнатий Смольнянин, сопровождавший митрополита Пимена в путешествии из Москвы в Константинополь. Смольнянин запомнил Дон и его берега в мрачных тонах: «Бысть же сие путное шествие печально и унынливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бе видите тамо ничтоже: ни града, ни села». Почему же на Дону было так пустынно? Причина — Дикое поле. Воды Дона пересекали самое опасное место в Евразии — обширные пространства Северного Причерноморья и Приазовья, которые именовали Половецкой степью, а чаще Диким полем. По этому идеально выглаженному степному коридору с прямой и бесконечно далекой линией горизонта вихрем проносились воинственные кочевники: хазары, печенеги, половцы, татары.

Дон и Донская земля были привлекательным, но предельно опасным фронтиром. Сюда русские люди уходили от государственного произвола, долгов, суда и прочих тяжких вин. Здесь обретали свободу, но ставкой была жизнь. Общины донских казаков смогли выжить и укрепнуть на берегах Дона — реки рискованной свободы. Российское государство успешно

использовало донскую вольницу-фронтир в качестве своеобразного предохранительного клапана против критической массы недовольных. Оппозиционеры, способные в едином порыве загнать царское самовластие в законные пределы, уходили на Дон.

Никакой фронтир не существует вечно. Дон перестал быть пограничьем в петровскую эпоху. Великий царь-реформатор сделал Дон служивой рекой, по нему из Воронежа первый российский военный флот пришел отвоевывать османский Азов. Спустя несколько лет, после того как восстание казаков Кондратия Булавина было потоплено в крови, по вольной воде пустили виселицы. Река текла, но свободы на Дону уже не было.

Примириться с этим местному населению было трудно, поэтому борьба за свободу продолжилась. В книге изложены несколько эпизодов из истории донской свободы. Они не претендуют на системность и полноту изложения, большинство из них довольно подробно исследовано в отечественной историографии. Но в общественном сознании они почти никак и ничем не представлены. Причем иногда эти крупные события или интереснейшие исторические фигуры замалчиваются сознательно по надуманным и странным поводам. Это тем более удивительно, учитывая, что мотив свободы как исторического наследия всегда был важен для донской идентичности. Не случайно в Донском войсковом гимне, принятом Большим войсковым кругом 20 сентября 1918 года, есть и такие строки:

*Славься, Дон, и в наши годы,
В память вольной старины.
В час невзгоды — честь свободы
Отстоят твои сыны.*

Но спустя сотню лет этого как не бывало. Во время посещения музея с экспозицией о казаках-гвардейцах, служивших при российских самодержцах, меня удивило то, что нет никаких упоминаний Еврафа Грузинова — полковника лейб-гвардии Казачьего полка императора Павла I. На мой вопрос о причине такого красноречивого умолчания администратор музея ответил, что Грузинов — «личность неоднозначная», а потому ему не нашлось места в мемориальном пространстве. Этот случай привел меня к замыслу книги об истории борьбы за свободу на Дону, героями которой были бы не только казаки, верой и правдой служившие Российской империи и династии Романовых, но и казаки-вольнодумцы, донские крестьяне и ростовские рабочие. Те, кто искал свободу на донских берегах, обретал и терял ее, погибал и побеждал.

Но что такое свобода? Что значит быть свободным? У каждой исторической эпохи свои ответы. В древнегреческой традиции человек свободный — это гражданин полиса, который живет на родной земле, родине предков. Древние римляне определяли свободу как отсутствие рабства: свободный — значит, не раб. Со временем понятие и понимание свободы стало сложнее, философы-стоики уже размышляли о разграничении внутренней и внешней

свободы, а христианские теологи развернули многовековую дискуссию о свободе выбора человека (*liberum arbitrium*), выбора добра или зла, греха или подвига.

Эпоха Нового времени, которая началась в XVI веке и продолжалась до Первой мировой войны, вошла в историю как время борьбы за политическую и религиозную свободу. Войны и революции сотрясали Европу, строились и разрушались империи, на смену им приходили республики. Иногда это чередование превращалось в круговое вращение, как в истории Франции. Новое время и началось со спора о свободе — спора Эразма Роттердамского и Мартина Лютера о свободе человеческой воли, который случился на исходе первой четверти XVI века. Эразм считал свободу воли человека важным элементом духовной жизни наряду с божественным предопределением, Лютер же объявлял свободу не более чем «иллюзией человеческой гордыни».

Вскоре философско-теологические дискуссии сменились вопросами организации государственного управления, справедливого налогообложения и политической ответственности. В 1566 году началось Нидерландское восстание против испанской гегемонии. Оно продолжалось 80 лет и привело к созданию Республики Соединенных провинций. Нидерланды (Нижние земли у моря) воевали за административную автономию, экономическую и религиозную свободы. При этом свобода мыслилась как свобода от испанцев и испанской власти.